

вые люди, тихие да смиренные, стриги, не связывая, и называй кряду всех середняками, а попробуй брось в них камешек, – и зашумят разношерстными шмелями...» [4, с. 311]. Необходимо отдать должное автору романа – ему удалось обозначить социальное расслоение деревни конца 1920-х гг., начала вытеснения нэпа. Писатель показал, что мировосприятие крестьян в послереволюционной деревне определялось комплексом противоречивых факторов. Это прежде всего неприятие большинством крестьян частного капитала при нэпе, сопротивление этому, растерянность, беспомощность (наивное, потребительское поведение), озлобленность (люмпенский аспект сознания – зависть, нездоровое отношение к чужим доходам). Вместе с тем в сознании части крестьян (в основном старшего поколения) сохранились традиционные императивы, характерные для деревенской жизни и определяемые вековыми общинными устоями. М. Карпов смог показать процесс болезненного осознания крестьянами невозможности традиционного общинного образа жизни в контексте новых социально-психологических реалий и одновременно – туманное представление мужиков о будущем.

Литература

1. Красильников В. Роман М. Карпова «Непокорный» // Земля советская. 1930. № 12.
2. Жучков А. Опасные противоречия // Земля советская. 1932. № 3.
3. Лебедева С.Н. «Земля советская»: К истории забытого журнала // Изв. Самар. науч. центра РАН. Самара, 2008. Вып. № 9. С. 141 – 146.
4. Карпов М.Я. Непокорный. М. – Л. : ГИЗ, 1930.
5. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. М., 1996.

Artistic interpretation of the village theme in the novel by M.Y.Karpov “The Refractory”

There is regarded the poetics of the novel “The Refractory” by M.Y.Karpov (1898 – 1937) whose prose hasn’t been republished since the middle of the 1930s. Special attention is paid to the principals of artistic interpretation of the village theme of the 1920s. There is shown the process of transformation of spiritual essence of Russian peasant consciousness as a consequence of village revolutionary reforms.

Key words: *forgotten novel, post-October village, peasant consciousness transformation.*

Д.Н. ЖАТКИН, Е.И. ИЛЬЯЗОВА
(Пенза)

Н.В. ГЕРБЕЛЬ КАК ПЕРЕВОДЧИК ФРАГМЕНТОВ ПОЭМ ДЖОРДЖА КРАББА

Впервые осуществлен сопоставительный анализ оригинальных текстов фрагментов поэм Джорджа Крабба «Деревня» (“The Village”, 1783) и «Приходские списки» (“The Parish Register”, 1807) и их русских переводов, выполненных во второй половине 1850-х гг. Н.В.Гербелем. К анализу привлекаются сделанные А.В.Дружининым в середине 1850-х гг. подстрочные переводы фрагментов краббовских поэм, во многом ставшие основой для последующих интерпретаций Н.В.Гербеля.

Ключевые слова: *Джордж Крабб, русско-английские литературные и историко-культурные связи, художественный перевод, рецепция, компаративистика, традиция.*

Переводы трех отрывков из поэм Джорджа Крабба «Деревня» (“The Village”, 1783) и «Приходские списки» (“The Parish Register”, 1807), помещенные Н.В.Гербелем в 1856 – 1857 гг. в «Отечественных записках» [1, с. 345], «Библиотеке для чтения» [3, с. 114] и «Сыне отечества» [2, с. 941], были как прямо, так и косвенно обусловлены публикацией цикла литературно-критических статей А.В. Дружинина о Краббе. С одной стороны, дружининские материалы помогли Гербелю осознать значительность фигуры английского поэта-священника для западноевропейского литературного процесса, созвучность его творчества общественно-политическим процессам в России, стремлению современной русской литературы к максимально полному и отчетливому, неприукрашенному изображению всех сторон повседневной жизни. С другой стороны, подстрочные переводы А.В. Дружинина, вошедшие в его статьи, во многом стали фундаментом для всех трех переводов Гербеля, недостаточно хорошо владевшего английским языком. Интерпретации, выполненные в характерной для переводчика манере, не относились к числу творческих удач, однако отчасти восполняли существенные пробелы в русской рецепции Крабба, что во многом и обусловило их прижизненную републикацию в антологии «Английские поэты в биографиях и образцах» [5, с. 186 – 187] и во втором томе

«Полного собрания стихотворений» Гербеля [6, с. 119 – 121], а также включение в некоторые последующие издания русских переводов английской поэзии [7, с. 127; 8, с. 464].

Гербелевское стихотворение «Ласточки» (1856) является переводом фрагмента поэмы Крабба «Деревня», задуманной как своеобразное дополнение, даже корректировка популярного произведения О. Голдсмита «Заброшенная деревня» (“The Deserted Village”, 1770), воссоздававшего высокопоэтичную и прекрасную картину деревенского покоя, простоты и довольства и воспевавшего «приюты невинности и спокойствия». В отличие от поэмы Голдсмита произведение Крабба представляло только отдельные проблески веселья и редкие часы сладостного покоя, акцентируя внимание на томительно долгих часах трудной работы и безмерности лишений и страданий. Известно, что знаменитый оратор Э. Борк, покровительствовавший Краббу, дойдя при чтении отрывков из «Деревни» до того фрагмента поэмы, в котором описывались ласточки, роями собиравшиеся на мрачном морском берегу и ожидавшие попутного ветра для отлета, высказал мысль об окончательном приобщении Крабба к миру подлинной поэзии, поразному интерпретированную А.В. Дружининым («Прочитавши это место в рукописи, я убедился, что Крабб есть поэт истинный» [9, с. 411]) и Гербелем («Теперь я вижу истинного, самостоятельного поэта!» [4, с. 179]). Крабб нашел чрезвычайно удачное сравнение ощущений человека, жаждавшего покинуть ненавистные берега, где «господствуют вина и голод» (“guilt and famine reign”), с поведением ласточек, готовившихся к отлету: “As on their neighbouring beach yon swallows stand, / And wait for favouring winds to leave the land, / While still for flight the ready wing is spread: / So waited I the favouring hour, and fled / Fled from these shores where guilt and famine reign” [11, с. 4] [Как на их соседнем берегу вон там ласточки стоят / И ждут благоприятных ветров, чтобы оставить землю, / В то время как все еще для полета готовое крыло распростерто: / Так ждал я благоприятного часа, и сбежал, / Сбежал от этих берегов, где вина и голод господствуют]. В своем переводе Гербель в полной мере не передал явной для английского оригинала параллели между ожиданием «благоприятных ветров» (“favouring winds”) ласточками и «благоприятного часа» (“favouring hour”) человеком («Подобно ласточкам, которые рядами / Стоят на отмели, с поднятыми крыльями, / И ждут, чтоб отлететь с попутным ветерком – / И я стоял и ждал на берегу морском /

Минуты – бросить все и в край другой убраться...» [6, с. 120]), при этом негативное восприятие героем окружающего мира было полностью утрачено, опущен повтор глагола “flee” («сбежать»), показывавший жажду бегства в выражении “...and fled / Fled from these shores...” [...и сбежал, / Сбежал от этих берегов...]. Причем если в краббовском оригинале использован глагол совершенного вида «сбежал» (“fled”), подтверждающий совершение действия, то в русском переводе при помощи глаголов несовершенного вида «стоял», «ждал» показано лишь ожидание удачного момента для бегства: «И я стоял и ждал на берегу морском / Минуты...».

Вместе с тем в интерпретации Гербеля можно видеть существенные параллели с подстрочным переводом А.В. Дружинина: «Подобно ласточкам, что рядами стоят на краю отмели, / И раскрывши темные крылья, ждут для отлета попутного ветра, / И я стоял на негостеприимном берегу, и ждал минуты, / Чтоб отлететь на другой край, и покинуть эти берега» [9, с. 411]. Очевидно сходство как на лексическом, так и на грамматическом уровнях: отдельные фразы дружининского перевода («подобно ласточкам», «рядами стоят», «на краю отмели», «ждут для отлета попутного ветра», «и я стоял на негостеприимном берегу, и ждал минуты», «на другой край»), в структурном и содержательном планах отклоняющиеся от английского оригинала, присутствуют либо в идентичном, либо в чуть измененном виде в переводе Гербеля: «подобно ласточкам», «рядами стоят», «на отмели», «ждут, чтоб отлететь с попутным ветерком», «и я стоял и ждал на берегу морском минуты», «в край другой». Пожалуй, подстрочный перевод А.В. Дружинина и поэтическая интерпретация Гербеля существенно расходятся только в одной детали: в стихе “While still for flight the ready wing is spread” [В то время как все еще для полета готовое крыло распростерто] Гербель обращал внимание на то, что ласточки стоят «с поднятыми крыльями», в то время как Дружинин ранее говорил о ласточках несколько более вольно, добавляя в описание мрачную цветовую тональность – «раскрывши темные крылья».

Опубликованные Гербелем в 1857 г. стихотворения «Покинутая» и «Свадьба» представляют собой два эпизода из поэмы Крабба «Приходские списки» (“The Parish Register”). Воспоминания приходского священника о просмотре учетной книги прихода, содержащей записи о совершенных в истекшем году обрядах крещения, венчания и отпевания усопших, составляя сюжетную канву поэмы, в

то же время не ограничиваются описательной фактографией. Это наглядно видно на примере отрывков, вызвавших интерес Гербеля. Стихотворение «Покинутая» – это фрагмент из первой части «Приходских списков» “Baptisms” («Крестины»), заключительные строки истории дочери мельника Люси, которая наперекор воле отца полюбила моряка Уильяма и отдалась ему; ее, беременную, выгнали из дома.

В поэме Крабба Люси оказывается наедине со своей бедой и, будучи отвергнутой окружающими людьми, выходит на вечернюю улицу, стараясь при этом остаться незамеченной: “Throughout the lanes she glides, at evening’s close” [12, с. 7] [По переулкам она скользит, на закате вечера]. И в подстрочном переводе Дружинина, и в ориентированном на него переводе Гербеля этот нюанс учтен, во многом благодаря точному переводу глагола “glide” («скользить»): «Тихо бродит она, будто скользя по земле, в вечерний час, / Посреди пустых полей...» (А.В. Дружинин) [9, с. 429] – «Чуть наступит вечер, уж она выходит / Из дверей избышки и неслышно бродит / По полям пустынным, будто проскользая» (Н.В. Гербель) [6, с. 120]. В интерпретации Д.Е. Мина, выполнившего во второй половине 1850-х гг. перевод первой части поэмы, незаметность девушки показана через сравнение с тенью: «В вечерний час, как тень, она бредет в полях» [10, с. 137]. Изможденность Люси заботами о малыше, выраженная Краббом с помощью инфинитива “to repose” («чтобы отдохнуть») в стихе “And softly lulls her infant to repose” [12, с. 7] [И нежно убаюкивает своего младенца, чтобы отдохнуть], не нашла отражения в русских переводах: «...тихо укачивая своего ребенка» (А.В. Дружинин) [9, с. 429]; «Своего ребенка бережно качая» (Н.В. Гербель) [6, с. 120]; «Стараясь укачать ребенка на руках» (Д.Е. Мин) [10, с. 137].

Невидящий взгляд (“viewless look”) девушки, не замечающий луну, золотящую рябь ручья (“Then sits and gazes, but with viewless look, / As gilds the moon the rippling of the brook” [12, с. 7] [Потом сидит и пристально глядит, но невидящим взглядом, / Как золотит луна рябь ручья]), сравнивается в подстрочном переводе Дружинина и следующим за ним переводе Гербеля с сиянием луны: «Когда она садится и глядит вдаль, ничего не видящим взглядом, / Похожим на отблеск луны, в окраины ручья» (А.В. Дружинин) [9, с. 429]; «Сядет – и в пространство смотрит без сознанья / Взором, холоднее лунного сиянья» (Н.В. Гербель) [6, с. 121]. Перевод Мина точнее, хотя использование глагола «серебрить» вместо «золотить»

(“gilds”) в соответствии с традициями русской поэзии, в которой традиционен образ серебряной луны, придает картине некоторую холодность, не свойственную английскому оригиналу, а словосочетание «струи ручья» звучит слащаво и даже отчасти вычурно по сравнению с краббовской «рябью ручья» (“rippling of the brook”): «Иль сядет и глядит не зрящими очами, / Как струйки ручейка серебрят луна лучами» [10, с. 137].

Переводное стихотворение Гербеля «Свадьба» является фрагментом из второй части «Приходских списков» “Marriages” («Венчания») – началом истории Фиби Даусон, воспроизводящим обряд бракосочетания, становящийся, по замыслу Крабба, своеобразной ступенью от счастливой и светлой любовной идиллии девушки к ее горестной жизни в замужестве. Известно восхищение эпизодом венчания Фиби Даусон многих современников Крабба, который в предисловии ко второму изданию «Приходских списков» с благоговейным чувством рассказывал, что «эта часть поэмы, читанная Фоксом во время последней его болезни, извлекла из уст умирающего оратора восторженное одобрение» (см.: [9, с. 431]); по мнению Л.Джеффри, «вся эта картина есть безукоризненнейшее совершенство в своем роде» (см.: [9, с. 432]).

Основные причины брака – беременность девушки от бросившего ее любовника и необходимость прикрыть случившийся позор – корректно объяснялись Краббом описанием свободно свисающего плаща невесты: “By long rent cloak, hung loosely, strove the bride, / From every eye, what all perceived, to hide” [12, с. 16]. [Длинным заимствованным плащом, свисавшим свободно, пыталась невеста, / От каждого глаза то, что все понимали, скрыть]. Дружинин подчеркивал, что платье на невесте висело некрасивыми складками, в еще большей степени делавшими приметным «всякому глазу» то, что пыталась скрыть новобрачная: «Напрасно невеста, кутаясь в широкое платье, висевшее некрасивыми складками, / Силится скрыть то, что было приметно всякому глазу» [9, с. 431]. Гербель вносил в перевод свои штрихи – заменял «плащ» (“cloak”) абстрактным «нарядом», упоминал про стыдливость беременной девушки: «...Напрасно молодая, / Широкий свой наряд стыдливо оправляя, / Прикрыть старалась то, что было так заметно» [6, с. 119].

Значительная часть фрагмента посвящена описанию чувств жениха, то прятавшего, то показывающего свое лицо, на котором отображались борьба позора и гнева, закипающая в сердце ярость. Из его сознания, «сбитого с

толку грязным пивом» (“confused with muddy ale”), на окружающих нисходила какая-то хмурая дикость, не предвещавшая невесте семейного счастья. Если в переводе Дружинина «позор» (“shame”) и «гнев» (“anger”) на лице жениха переданы адекватно («стыд боролся со злобой»), при этом сохранено вполне нейтральное восприятие личности героя («Мальчишка-жених, беспокорно вертясь на своем месте, / То отворачивал, то казал всем свое лицо, на котором стыд боролся со злобой, / Мутный эль шумел в его голове, бешенство – в сердце. / Он произносил свои ответы торопливо и нескладно, / А черты лица в это время принимали дикое выражение / И не пророчили ничего хорошего для следующих дней» [9, с. 431]), то в интерпретации Гербеля «жених-мальчишка» охарактеризован исключительно в негативных тонах, при помощи прилагательных «преступный», «злой», «озлобленный»: «Взволнованный жених-мальчишка неприветно / То потуплял глаза, то поднимал их снова – / И было много в них преступного и злого; / В горячей голове шумели эль и пиво, / А бешенство в груди. Нескладно, торопливо / Обеты он свои произносил пред Богом, / А на лице его, озлобленном и строгом, / Казалось, совсем иная мысль блуждала / И в будущем жене не много обещала...» [6, с. 119].

Крабб акцентировал внимание на поведении женщины после венчания, подчеркивал ее покорность мужу, смирение с созданным положением, при этом характеризуя ее супруга как тирана с тощим кошельком, ищущего дверь паба. Для Гербеля, напротив, поведение мужа было очень значимым, в связи с чем он дважды повторил лексему «трактир», а упоминавшийся в английском подлиннике «последний шиллинг» (“final shilling”) заменил на «последний медный грош», в результате чего и трактир, и пропитый грош стали своеобразными символами прощания со счастливой жизнью: «И вот они идут – выходят, но не рядом: / Тиран идет один. Блуждая мутным взглядом / И тощий кошелек свой щупая рукою, / Поглядывает он в ту сторону порою, / Где был трактир. Во след шага свои торопит / Несчастливая жена... И был безумно пропит / Последний медный грош, в глазах ее, в трактире. / И вот они идут по улице к квартире / Несчастливого отца невесты, чтобы обоим / Проститься навсегда с любовью и покоем» (Там же, с. 119 – 120). Подстрочник Дружинина, адекватно раскрывавший особенности поведения и мужа и жены, был короче английского оригинала и перевода Гербеля, однако при этом вполне точно передавал краббовский замысел, допуская замены всего несколько слов

(вместо английского паба – таверна, вместо навсегда утраченного покоя – потерянное согласие) (см.: [9, с. 432]).

Деятельность Гербеля в историческом плане совпала с существенными переменами в восприятии переводческого творчества, вызванными ростом читательского интереса к западноевропейской литературе, общественно-политическими процессами в России, возникновением разночинной интеллигенции, стремившейся овладеть мировой культурой и существенно расширившей круг читающей публики. И хотя в рассмотренных нами переводах из Крабба много литературных штампов, банальностей, а также произвольных добавлений, не имеющих соответствий в оригиналах и обусловленных влиянием недостаточного точного подстрочного перевода Дружинина, заслуги Гербеля в популяризации наследия Крабба в России очевидны и значительны – он был первым, кто внес творчество поэта-священника в составленную им русскоязычную антологию английской поэзии «Английские поэты в биографиях и образцах» (1875), осуществил остающийся единственным и поныне поэтический перевод фрагмента поэмы «Деревня», а также предложил собственные интерпретации двух ярких, запоминающихся эпизодов из «Приходских списков».

Литература

1. Гербель Н.В. Из Крабба («Подобно ласточкам, которые рядами...») // Отеч. зап. 1856. Т. СІХ, №12. Отд. I. С. 345.
2. Гербель Н.В. Из Крабба («Чуть наступит вечер, уж она выходит...») // Сын отечества. 1857. №39. С. 941.
3. Гербель Н.В. Свадьба (Из Крабба) // Библиотека для чтения. 1857. Т. СXLIV, №8. Отд. I. С. 114.
4. Гербель Н.В. Георг Крабб: Очерк жизни и творчества // Английские поэты в биографиях и образцах / сост. Н.В. Гербель. Спб. : Тип. А.М. Котомина, 1875. С. 178 – 181.
5. Гербель Н.В. Свадьба; Ласточки // Английские поэты в биографиях и образцах / сост. Н.В. Гербель. Спб. : Тип. А.М. Котомина, 1875. С. 186 – 187.
6. Гербель Н.В. Свадьба; Ласточки; Покинутая // Полное собрание стихотворений : в 2 т. Спб. : Тип. В. Безобразова, 1882. Т. 2. С. 119 – 121.
7. Гербель Н.В. Свадьба // Песни Англии и Америки. Песни, сказания, сказки и притчи. Собрание стихотворений английских и американских стихотворцев в переводе русских писателей. М. : Тип. А. Казанского, 1895. С. 127.
8. Гербель Н.В. Ласточки (Из Крабба) // Мастера русского стихотворного перевода : в 2 т. / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е.Г. Эткинда. Л. : Сов. писатель, 1968. Кн. 1. С. 464.

9. Дружинин А.В. Собрание сочинений : в 8 т. / под ред. Н.В. Гербеля. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1865. Т. IV.

10. Мин Д.Е. Приходские списки (Поэма Георга Крабба) // Рус. вестн. 1857. Т. 8, №3. С. 134 – 142.

11. Crabbe G. Selected Poems. London : G. Cumberlege, 1946.

12. Crabbe G. The Parish Register. London : Oliver and Boyd Ltd., 1948.

N.V.Herbel as the interpreter of George Crabbe's poem fragments

There is for the first time carried out the comparative analysis of the original texts of George Crabbe's poem fragments "The Village" (1783) and "The Parish Register" (1807) and their Russian translations made in the second half of the 1850s by N.V.Herbel. There are also analyzed the word-for-word translations of Crabbe's poem fragments made by A.V.Druzhinin in the middle of the 1850s that in many respects became the basis of N.V.Herbel's further interpretations.

Key words: *George Crabbe, Russian and English literature and historical and cultural relations, artistic translation, reception, comparative linguistics, tradition.*

В.А. ГАВРИКОВ
(Брянск)

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ В ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ

В песенной поэзии существует несколько типов порождения синтетического текста: от «одноавторского» (певец является автором музыки и поэтического текста) до анонимного (группа создает песню коллективно). Сделана попытка выработать метод («авторизованный текстоцентризм») определения авторства в системах смешанного семиозиса с точки зрения литературоведения.

Ключевые слова: *авторство, песенная поэзия, синтетический текст, субтексты, формопорождающая интенция, авторизованный текстоцентризм.*

Вопрос об авторстве является, без сомнения, одним из самых сложных в литературоведении, которое занимается песенной поэзи-

ей, ввиду многообразия механизмов порождения песенного текста. Решить этот вопрос можно только в единстве с другим – вопросом о статусе и границах синтетического текста. Отметим, что для нас текст – это не постоянно открывающееся вовне дискурсивное образование, а нечто замкнутое авторской *формопорождающей интенцией*. Таким образом, мы ограничиваем рамки текста исследованием звучащего текста прежде всего «в себе», а не в диалоге с другими текстами, т.е. по возможности изучаем его безотносительно «неавторской авторизации». Получается, что мы искусственно отсекаем «побеги» текста в другие текстовые и нетекстовые реальности (не отрицая, однако, необходимости подобного рассмотрения в других контекстах – репрезентативном, рецептивном и т.д.).

Наш метод, основанный на установлении авторской формопорождающей интенции, на первый взгляд можно назвать «автороцентрическим», однако это не совсем так. Сверхцентризм в нашем случае подразумевает тотальную авторизованность текста – только то, что непосредственно сочинил и исполнил сам автор, является авторским текстом. Но т.к. синтетическое произведение – это сведение субтекстов разного происхождения, то сверхцентрическая установка может привести к расщеплению конкретной песни на несколько «разноавторских» текстов (в пределах «произведений»). Происходит это потому, что «рок делает основной творческой единицей группу (ансамбль, бэнд). Даже в рок-группах, где господствует бесспорный лидер, вклад остальных ее членов бывает значителен: аранжировка, исполнение, запись на пластинку, общий баланс звучания, тонус, настроение – все это плод совместных усилий музыкантов, итог кропотливой работы в студии или репетиций перед гастролями» [4, с. 107].

Допустим, песню исполняют три человека – вокалист (он же, например, гитарист), клавишник и барабанщик. При условии, что поэтический текст написан певцом, одновременно на сцене звучат три текста: поэтико-вокально-гитарный (автор 1), клавишный (автор 2) и «ударный» (автор 3). Может быть констатирована некоторая (именно некоторая!) авторизация, если весь музыкальный ряд – это сочинение автора поэтического текста (лидера группы). В этом случае неавторское исполнение вызвано невозможностью играть сразу на нескольких музыкальных инструментах